

О. П. Илюха

ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Советские границы в учебно-воспитательных текстах сталинского времени

У большинства советских людей представления о границах СССР, их реалиях формировались на основе информации и образов, транслируемых кино, периодической печатью, литературой и изобразительным искусством, песенной лирикой¹. В 1930-е гг., отмеченные стремлением сталинского руководства найти основу для объединения советского общества, форсированным конструированием советской идентичности, особый масштаб приобрела мифотворческая работа. В этот период в политический дискурс о Родине прочно вошли метафоры «большой семьи» (народы СССР), возглавляемой «отцом народов» (Сталиным), живущей в «большом общем доме» (территория СССР). Сердце Родины-матери – Москва (самый замечательный город, лучше которого нет на свете), голос Родины – бой кремлевских курантов. Родной дом окружен врагами и похож на осажденную крепость, но его «покой» зорко охраняют стражи-пограничники. Образ запертых ворот был частью идеологического конструкта, грандиозного мифологизированного образа «новой» России. В общественно-политических текстах закрепляется идеологема-клише «граница на замке».

В 1930-е гг. тема границы стала нетъемлемой частью системы патристического воспитания детей и молодежи. Она органично вписывалась в общий контекст милитаризации школы, проявившийся в изучении боевой техники (Осоавиахим), обучении искусству стрельбы (Ворошиловские стрелки) и т. д. Символика и метафорика государственной границы, а также некоторые реалии советского приграничья получили отражение в изданиях для детского чтения и воспитательной работы, букварях, учебниках для начальной школы. Такого рода литература представляет интерес не только как «факт культуры», но и в силу того, что сознание многих поколений советских людей подверглось «идеологическому облучению» букваря². Представления и образы, формирующиеся в детском возрасте, обладают большой устойчивостью и даже спустя много лет служат своеобразной призмой, через которую воспринимается новая информация о предмете.

В методическом пособии для преподавателей обществоведения, изданном в Москве в 1935 г., программа курса для начальной школы предварялась

замечанием о том, что «помнить о враге – первейшая задача каждого школьного работника». Там же была опубликована схема урока, посвященного советской Родине. Всю информацию о границах учителю предлагалось преподносить, отталкиваясь от тезиса о враждебном окружении страны: «Капиталисты ненавидят страну советов, готовятся к войне. Трудящиеся нашей страны готовятся к обороне. *Крепко заперты ворота нашей родины* (курсив мой. – О. И.)»³.

Как основной эмоционально-психологический прием предлагалось использовать образы героев: «Героизм всегда влечет к себе. Дети особенно любят героев, увлекаются ими, стараются подражать им. На образах и подвигах героев советской страны наша школа должна воспитывать у детей мужество, отвагу, преданность нашим пролетарским идеалам и чувство непримиримой ненависти к классовому врагу»⁴. Для этих целей в воспитательной и учебной работе, составлявших неразрывное целое, широко использовались детские газеты и журналы: в первую очередь «Пионерская правда», «Пионер», «Мурзилка», поступавшие в каждую школу.

Романтика, героика жизни пограничной заставы были той психологической основой, на которой строился интерес юных граждан СССР к этой теме. Из всего советского пантеона героев образ пограничника – любимейший у детей в конце 1930-х годов. Опасность, исходящая от внутренних врагов, меркнет в сравнении с надвигающейся внешней опасностью. Притягательность границы как места, где происходит «настоящая жизнь» и есть возможность совершить подвиг, усиливается⁵.

В Карелии, как пограничной республике, тема границы получила более детальное и последовательное освещение в образовательно-воспитательных текстах и практиках. В 1938 г. Наркомпрос Карелии утвердил план работы с книгой для учащихся начальных школ. Девизом работы были выбраны строки из стихотворения С. Михалкова: «Врагами задуманы войны, немало врагов у страны, но Родина наша спокойна, она не допустит войны». Чтения и беседы предусматривалось проводить исключительно по «военно-оборонительной» тематике. Они объединялись в следующие разделы: 1. Военные годы (о гражданской войне и интервенции); 2. Вожди и герои Красной Армии (Ленин, Сталин, Киров, Фрунзе, Ворошилов, Буденный, Чапаев, Щорс); 3. «Товарищ Ворошилов, я быстро подрасту, И встану вместо брата с винтовкой на посту»; 4. На заставе (Советский пограничник). Характерны названия стихов, рекомендованных для разучивания в каждом классе: «Иностранка» Н. Вирта, «Шпион» и «Оборона» С. Михалкова, «Баллада о часах» Е. Благиной, «Оборонная песня» Б. Шмидта, «На заставе» А. Барто и т. д.⁶

В букварях и книгах для чтения, издававшихся в 1938–1952 гг. в Петрозаводске и предназначенных для школ Карелии, тема границы представлена более образно и ярко, чем в унифицированных учебниках, публиковавшихся в Москве. Казалось бы, идеологические возможности букваря ограничены. Но даже в тесное вербальное пространство русского букваря для нерусских школ, предусматривавшего освоение лишь 400 лексем, его создатели сумели «втиснуть» тему границы⁷. Выделенные курсивом фразы «Боец на границу не пустит врага», «Наша защита крепка и верна» и т. п. предлагалось многократно читать или переписывать. Как известно, подобные тихие, незаметные практики субъективизации, внедрения в подсознание идеологических штампов и клише весьма продуктивны, усвоение предлагаемых образцов таит в себе гигантские ресурсы воздействия на человека.

Общая фабула объединяет рассказы «Случай на границе», «Дружок», «Рассказ пограничника», так же как и многочисленные стихи на эту тему. Она раскрывается через инцидент на границе, через ситуацию, связанную с задержанием шпиона. Учитывая «воспитательное» значение темы, Министерство просвещения Карелии рекомендовало учителю объяснять детям смысл понятий «след на границе», «руки вверх», «шпион», подчеркивать, что нарушать границу могут только враги. (Уместно вспомнить, что постановлением Президиума ЦИК 1934 г. бегство или перелет за границу карались высшей мерой уголовного наказания – расстрелом с конфискацией имущества⁸.)

В каких понятиях и образах впервые преподносится 7–8-летнему ребенку тема границы? Ответ на этот вопрос содержится в статье, обобщающей опыт учителей Карелии по проведению такого рода уроков и дающей рекомендацию, как «правильно» следует читать в классе рассказ «Дружок»:

«...Вывешивается картинка с надписью „Граница“. Ученики читают надпись... Потом на картине учитель показывает: это – наша земля, это – чужая земля, здесь граница: край нашей земли, начало чужой. – Кто это? – Это пограничник. – Что он делает? – Он охраняет границу. – Охраняет – не пускает чужих, бережет. Вы бережете, охраняете свой дом, свой огород осенью, когда поспеют овощи. Вывешивается плакат „Пограничник охраняет границу“... От кого охраняет пограничник границу? – От врагов, шпионов. – Кого называем „шпион“? – Кто переходит чужую границу, узнает важные тайны и возвращается к себе. – Вывешивается плакат «шпион». Учащиеся читают. Учитель говорит: „Шпион переходит границу; собака пограничника слышит врага. Пограничник прячется, следит, потом собака прыгает на врага“... К рассказу „Дружок“ имеется такая картинка:

лес, на земле лежит человек, на нем собака, другой человек целится в собаку, а в него, в свою очередь, целится пограничник...»⁹.

Приведенный фрагмент методической рекомендации показывает, что для выработки защитно-оборонительных рефлексов и бдительности использовались не только глубоко традиционные способы разделения социальной реальности на «своих» и «чужих», но эксплуатировалось и неистребимое чувство собственника. В курьезном примере, где граница сравнивается с огородом, имеется в виду домашний, а не колхозный огород (здесь для доходчивости объяснения учителю приходилось отступить от другой идеологической задачи – воспитания человека-коллективиста, который будет трудиться не «ради наживы»), а шпион сравнивается с вором – «внутренним врагом».

Обращение к теме происходит регулярно. На уроках разучиваются стихи о пограничниках, их читают хором, на текстах о границе отработывают правила грамматики. В одном из подобных упражнений предлагалось сделать распространённые предложения из следующих простых предложений: «Приближается вечер. Пограничник прислушивается. Слышен шорох. Человек крадется. Пограничник ждет. Раздается выстрел. Человек падает. Враг пойман»¹⁰. Творческая работа – написание сочинения – также осуществляется по готовой схеме: предлагаются ключевые слова или план, строго определяющие все тот же ход событий.

Базовый сюжет большинства публикаций о пограничниках – будь то учебник, детская публицистика или беллетристика – стандартен: погоня, схватка и задержание (вспомним, что традиционные для эпического жанра элементы описания включают седлание коня, богатырскую поездку, поединок, победу героя). Разнообразие вносят лишь детали: количество участников коллизии, степень вооруженности шпиона и т. д. Образ пограничника строится по эпической модели героя: «Он храбро сражался против семи». Конь героя «самый быстрый на заставе» или «гнедой, тонконогий», «распустив по ветру гриву, конь мчался, едва касаясь копытами земли»¹¹. Нетрудно заметить, что подавляющее большинство эпитетов взято из традиционного фольклорного репертуара.

Формирование стереотипных представлений о пограничнике опиралось на отличительные черты, выделяющие его из галереи советских героев. Он самый зоркий и самый чуткий (с обостренным вниманием), т. е. наделен особым умением видеть врага. Учителю предлагалась схема рассуждений: «Почему враги не могли проникнуть в Советский Союз? – Потому что пограничники зорко следят за границей и видят все, что на ней происходит...»¹². Пограничника «невозможно перехитрить и невозможно обмануть». Зоркий, чуткий, бдительный –

ключевые слова в текстах о пограничниках. Эти исключительные качества подкреплены технически – зоркость обеспечивает бинокль, а быть чутким помогает подготовленный друг – собака. Эти два элемента современного антуража богатыря-пограничника – объект мечты детей. Самодельный бумажный или деревянный бинокль и дворовый пес – общедоступные атрибуты-заместители, позволявшие мальчишкам «примерить» себя к «настоящим» пограничникам.

В системе координат границы герою-пограничнику противостоит антигерой-шпион, идеологическая роль которого сводится к подтверждению непревзойденных качеств пограничника. Это противопоставление рельефно выражено в рассказе Ю. Германа. В его описании пограничник – исключительно положительный персонаж, «...высокий, сильный, красивый и очень смелый человек. И очень умный. Никто его не мог перехитрить, и ни один враг не перешел нашу границу – невозможно было обмануть товарища Авдеева». Облик шпиона иной: «...роста огромного, лицо злое, от страха бледное, глаза светятся как у волка, – вот-вот зарычит»¹³.

Шпион в детской художественной литературе и публицистике маркирован символикой оборотня. Помещение оборотня в пространство границы соответствует мифологической традиции, согласно которой стык миров (освоенного и неосвоенного, своего и чужого), граница между ними является локусом, где наиболее часто свершаются реинкарнации, перевоплощения, локализуется оборотничество¹⁴. В русской народной сказке пограничье также помещалось на грани двух миров – жизни и смерти – и было заселено «нечистой силой». За внешней оболочкой, иногда даже за красноармейской формой нужно суметь разглядеть врага. Его может выдать неестественный смех (чтобы быть похожим на советского человека, шпион громко смеется, так как наслышан, что «на советской стороне людям жить весело»¹⁵), глаза, которые светятся «как у волка»¹⁶, неуместный наряд (элегантный плащ в лесу) или деталь костюма (необычного покроя шапка, фуражка) и даже оторвавшаяся пуговка (стихотворение Е. Долматовского «Пуговка», 1939 г.). В арсенале маскировочных средств нарушителя границы – колодки, меняющие форму следа: «У врага этого к сапогам были привязаны нарочно сделанные коровьи копыта...»¹⁷. У шпиона, как правило, есть черты, выделяющие его из окружения: хромой, сутулый, рыжебородый, кряжистый или верзила и т. д. Обратная ситуация перевоплощения – пограничник, переодетый в шпиона. Ряженые пограничников в «шпионов» в 1930-х гг. использовалось как способ проверки бдительности населения в пограничной зоне.

Модернизированный вариант школьных рассказов о пограничниках – задержание врага с помощью пионеров (вспомним героические мифы, в

которых, обретая духов-помощников, герой побеждает чудовище, или русские сказки, где благодаря неожиданной чудесной помощи герой успешно преодолевает трудности). Связка «пограничники и пионеры» широко использовалась в детской публицистике, отвечая поставленной Ф. Дзержинским задаче сотрудничества погранвойск с населением приграничья. Портреты детей, оказавших помощь пограничникам, публиковались в «Пионерской правде», они становились известными всей стране, и это было высшей наградой.

Образ пограничника лучше других героических образов вписывался в логику пионерского движения. Пионерская организация немало вобрала из скаутского движения (скаут = следопыт, разведчик), пришедшего в Россию в преддверии Первой мировой войны. Еще при появлении движения скаутов в России русские педагоги осудили ряд его трансформаций на русской почве. В их числе – замещение «элемента свободы и человечности, который был у англичан», «идеей монархизма, чинопочитания и войны»¹⁸. Также неприемлемой признавалась связь русских скаутов с охранительными структурами власти. Эта сформировавшаяся еще до революции модель взаимоотношения детей и власти была очищена от морально-нравственных заповедей и христианского духа скаутизма и адаптирована к советским реалиям.

Образы границы, транслировавшиеся по официальным каналам, должны были укрепить комплекс величия родины. Эпитеты, которыми характеризовался Советский Союз – бескрайняя, широкая, громадная, необъятная страна, на самом деле плохо увязывались с представлением о границах как ограничителях пространства. Протяженность государственной границы в школьных учебниках сравнивалась с длиной экватора и расстояниями между полюсами Земли (в 1,5 раза длиннее экватора, в 3 раза больше расстояния от полюса до полюса¹⁹). Территория страны могла только расширяться, а протяженность границ прирастать. На уроках географии детям предлагалось сравнивать площадь «важнейших» зарубежных стран с территорией Советского Союза: «территория нашей страны в 3 раза больше территории США, в два с лишним раза больше территории Китая, в несколько раз больше территории Франции, Англии, Германии взятых вместе»²⁰. Рекомендовалось таким же образом сравнивать и отдельные регионы СССР.

Представления о государственной границе были частью официальной модели восприятия пространства страны. Эта модель строилась по достаточно жесткой фольклорной схеме: центр – остальная территория – заграничье. Сакральность центра определялась тем, что Москва – столица единственного в мире социалистического государства, и тем, что там находится

Сталин – «вождь всех времен и народов». Он наделен магическими свойствами и характеризуется с помощью солярных эпитетов (например: «Дети страны советов согреты *солнцем сталинской заботы*»), а потому территория страны надежно защищена от вторжения злых сил²¹.

По мифологической модели маркируется пространство: СССР – свет, прогресс, остальной мир – тьма. Этот другой, темный мир, начинающийся за пограничной заставой, – обитель врагов. Земля и не-земля (вражеская территория) обозначается на картах особо. Карта Финляндии в молодежном журнале «Punavartio» (Красный страж) покрыта черной паутиной свастики. На карте Карелии красным цветом вписан силуэт советского воина. Враги характеризуются как выродки, принадлежащие к иной породе, рожденной другим, темным пространством и другим, прошлым временем. Это не люди, а волки, псы, крысы, лисы, гидры, спруты, стервятники, гады, вороны и т. д. Естественно, что эти зооморфные существа лишены одного из отличительных признаков человека – речи. Они не говорят, а «воюют», «тявкают», «шипят» и «каркают». Эта метафорика получает развитие в послевоенные годы. Например, в мультфильме «Чужой голос» (Союзмультфильм, 1949 г.) сорока, только что прилетевшая из-за границы, объявляет искусство соловьиного пения устаревшим и дает концерт. Она обрушивает на изумленных слушателей каскад ужасных, резких звуков, в которых угадывается «чуждая» мелодия джаза.

В мирное время граница, где можно встретиться с «настоящим врагом», давала больше шансов для подвига, о котором мечтали дети. Несмотря на то, что мальчики и девочки в равной мере были вовлечены в «образовательно-воспитательный процесс», в литературе и публицистике лишь мальчики совершают подвиг на границе. Девочки в лучшем случае сопровождают героев, становятся свидетельницами их мужественных поступков, но реальными героинями – крайне редко. Формировался его-образ «боевой подруги» (развивавший сложившееся еще в годы дореволюционного эмансипационного движения отношение к женщине как к «другу по общему делу»²²) и задавались «параметры» идеального мужчины. Таким образом, на детей проецировалось повышение статуса мужчины в милитаризирующемся советском обществе 1930-х гг. Педагогическая, пропагандистская литература демонстрирует, что готовность к возможным испытаниям, связанная с культивированием самоконтроля, самодисциплины, самоограничения и самоотверженности, становится в предвоенный период господствующей «мужской» чертой. Еще более ярко гендерно-возрастная асимметрия в распределении ролей проявилась в подвижной детской игре в пограничников и шпионов: непопулярная роль шпионов, которым предстояло быть пойманными, доставалась младшим детям и девочкам.

Иную ситуацию предлагали правила официальной настольно-печатной игры «Пробег по границам СССР». Игра была издана в 1937 г. в качестве приложения к журналу «Мурзилка» и адресована младшим школьникам. В ней могли на равных участвовать девочки и мальчики, а роли были только положительными – пограничник с собакой, летчик, радист и водитель вездехода, тогда как шпионы оставались «за кадром». Матрица игры представляла собой обычную «ходилку», в основе которой – испытание удачи, поскольку судьбу игрока решает бросок кубика и передвижение фишек. Обучающие функции игры ограничивались усвоением географических названий в ходе передвижения по игровому полю, представлявшему карту родины. Не вдаваясь в детали этого развлечения с пропагандистской начинкой, обратим внимание на культурные символы, проступающие сквозь его внешнюю форму. Движение путешественников освящено именем Ленина: свой путь они начинают из пограничного Ленинграда. Перемещение игроков вдоль границ шло по замкнутому кругу. Сакральный характер и архаический культурный смысл такого действия очевиден: движение «посолонь» свойственно многим ритуальным обходам, шествиям и народным танцам. Обернувшись вокруг центра – «священной Москвы», отмеченной на карте звездой, игроки символически замыкали границу Родины.

К западным, наиболее опасным границам они возвращались, обогащенные опытом путешествия, пройдя испытание встречей с диверсантами на китайской границе. В ходе движения предусматривались небольшие экскурсии внутрь страны к интересным (в стилистике источника – замечательным) объектам. На западных границах, где вероятность встретить шпиона резко возрастала, участники игры все-таки делали одну остановку, чтобы заглянуть в село Михайловское (игра была издана в год Пушкинского юбилея). Но это всего лишь любопытная деталь. «Удача» игрока состояла в другом – встретить врага, поскольку именно такая встреча влечет за собой награду – дополнительный ход и как следствие, возможность скорейшего возвращения (уже героем) в город Ленинград. Советская страна представала как воплощенная мечта, чудесный остров во враждебном море-океане. Образ острова усиливался визуально-графической семантикой: вся «заграница» была окрашена в серый цвет. Эта игра, как и многие ее аналоги, не только выстраивала в сознании ребенка идеал взрослого, задавая предпочтения в будущей жизни, но и формировала вполне определенную модель мира, ментальную карту личности.

Мифологизация, героизация границы была частью общего имперского дискурса, конструировавшего советский патриотизм, замешанный на чувствах жертвенной любви и ненависти (любви к Родине/вождю/партии

и ненависти к ее реальным и мнимым врагам). Несмотря на апелляцию к традиционным стереотипам, советский патриотизм был достаточно современен. Переосмысление архетипических мотивов осуществлялось на основе современной социалистической идеологии, современного «прогноза» тотальной войны и, наконец, современного технократически-милитаризованного антуража героизма²³. Новый социокультурный комплекс прекрасно вписывался в матрицу мифа.

Любимая детская игра в пограничников и шпионов, в которой все хотят быть пограничниками и никто – шпионом; страсть к дрессировке овчарок, проявившаяся в популярности клубов юных кинологов, вышедших за рамки сталинского периода; популярность массовой песни о границе и «утрата» рядом песен авторства, перемещение их в категорию «народных» (песни «Катюша», «На посту пограничник стоит», «Пуговка») – все это говорит о том, что образы были поняты и приняты. Вся палитра представленных взаимодополняющих текстов (художественных, учебных, игровых, иконографических) – это своеобразный по своему содержанию гипертекст, благодаря которому происходила передача детям определенных ценностных ориентиров. В нем в полной мере проявилась культурная стратегия насаждения «воображаемого»²⁴, когда официально одобренный миф, «социалистическая фантазия» навязывалась всем, включая детей. Мышление ребенка, тесно связанное с эмоциональной сферой, особенно восприимчиво к своеобразной мифологической «логике». Игровое действо как ритуальный эквивалент мифа закрепляло и поддерживало официально одобренную модель мира, в которой идеологически актуальные образы встраивались в систему ментальных универсалий. В силу психологических особенностей возраста навязанные государством ценностные ориентиры приобретали характер устойчивых рефлексов, проявления которых остро ощущает не только современная Россия, но и весь мир.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Клубков П. А. «На посту пограничник стоит...» // Детский сборник: Статьи по детской литературе и антропологии детства. М., 2003. С. 405–411.

² Фирсов С. М. Советская и постсоветская культура в исторической динамике: влияние на культурную дифференциацию. СПб., 1999. С. 28–29. <http://www.eu.spb.ru>

³ Роль обществоведения в коммунистическом воспитании учащихся. Методическое письмо преподавателям обществоведения начальной и неполной средней школы. М., 1935. С. 4.

⁴ Там же. С. 7.

⁵ По наблюдениям С. Шведова, в сталинском букваре и книгах для чтения присутствуют два локуса, где происходит «настоящая жизнь»: наряду с государственной границей таковым является и железная дорога. С. Шведов. Уроки буквы. <http://www.because.ru/culture>

⁶ Национальный архив Финляндии. Коллекция Пентти Ренвалла. 14 В. План для начальных школ г. Петрозаводска по организации работы учащихся с книгой.

⁷ Беляев И. С., Бонч-Осмоловская А. Г. Основы методики обучения русскому языку в начальных нерусских школах Карело-Финской ССР: Пособие для учителей. Петрозаводск, 1946. С. 8, 102, 123, 186, 244.

⁸ Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР. М., 1934. Вып. 33. Ст. 255.

⁹ Бонч-Осмоловская А. Г. Объяснительное чтение в нерусской школе // Методический бюллетень Министерства просвещения и Института усовершенствования учителей Карело-Финской ССР. 1946. № 3. С. 31, 34.

¹⁰ Анисимов Н. А. Грамматика карельского языка. Ч. I. Учебник для неполной средней и средней школы. Петрозаводск, 1939. С. 10.

¹¹ Пионерская правда. 3 декабря 1937 г. С. 4.

¹² В помощь школе. Методический бюллетень Министерства просвещения и Института усовершенствования учителей Карело-Финской ССР. 1946. № 3. С. 37.

¹³ Герман Ю. Рассказ пограничника // Беляев И. С. Книга для чтения во втором классе карело-финской школы. Петрозаводск, 1952. С. 116, 119.

¹⁴ Криничная Н. А. Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов. Т. 2. Петрозаводск, 2000. С. 350–351.

¹⁵ Гайдар А. Маруся. (1939–1941) // Гайдар А. Сочинения. Т. II. М.; Л., 1949. С. 335.

¹⁶ Герман Ю. Рассказ пограничника. С. 119.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Рубинштейн М.М. Война и идеал воспитания: (К вопросу о национализме в педагогике) // Вестник воспитания. 1916. № 2.

¹⁹ География СССР. Учебные материалы. Седьмой класс. М., 1950. С. 7–8.

²⁰ Наглядность в преподавании географии. Сборник в помощь учителю. Ред. И. И. Самойлов. М., 1955. С. 92.

²¹ Мещеряков А. Советский хронотоп. Покорение пространства и времени. <http://www.l.u-tokyo.ac.jp>

²² Пушкарёва Н. Л. У истоков русского феминизма: сходства и отличия России и Запада // Российские женщины и европейская культура: Материалы V конференции, посвящённой теории и истории женского движения. СПб., 2001. С. 82–84.

²³ Никонова О. Ю. Военный опыт и конструирование советского патриотизма. <http://isem.susu.ac.ru>

²⁴ Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. N. Y, 1989. P. 248–253.